

Таисия Калинченко:

“На всю оставшуюся жизнь нам хватит...”

Смена. — С. Пб. — 1995. — 22 экз. — С. 6.

КАКАЯ песня была второй в той программе, Таисия сегодня и сама не помнит. А вот первая — такая яркая, веселая, на музыку Дунаевского — “А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер!” Она спела ее и стала непобедимой. Наутро газета “Смена” поместила ее портрет на первой странице, там, где обычно печатала передовицы. А вечером ленинградский конкурс вокалистов “Весенний ключ” показали в программе “Горизонт”. И стала Калинченко знаменитой. Было это в 70-м.

И дальше все пела и пела. И в Кремлевском Дворце съездов. И в Колонном зале Дома Союзов. И с оркестром Бадхена. И с собственным ансамблем.

Похоже, что в те годы комсомольский актив больше любил все-таки не конференции и съезды, а великие кулуарные “тусовки”. Там можно было пожать руку космонавту Шаталову. В перерыве между скучными заседаниями выходил к роялю красивый Саша Морозов (“Любите, пока любится, ревнуйте, пока ревнуется...”, “Травы пахнут мятой”). Брала в руки микрофон маленькая Тася Калинченко, и под сводами зала взвизывал высокий голос-колокольчик (“Топот, топот, топот копыт”, “Ты только будь, пожалуйста, со мной, товарищ песня”). Очень любил Калинченко в те годы ленинградский комсомол. Посылал на всякие конкурсы. Вручал награды.

И зрители любили. Иностранцы даже называли “русской Пиаф”. Нет, не из-за маленького роста или черного платья-балахона, не из-за тремоло в голосе, а за скрытую, внутреннюю страсть, выплескивающуюся наружу.

У нее был талант. И обаяние. И искренность. Ну, может, еще чуть-чуть удачи. Но всего этого вместе было так много, что, казалось, быть Калинченко популярной всегда.

А она вдруг куда-то пропала.

Собственно, я шла на встречу с Калинченко, чтобы только и спросить: куда она делась, почему не поет и как живет звездам 70-х в наши непростые 90-е.

— Когда вы закончили петь?

— Я не закончила. Еще потихонечку пою. Медленно так затихаю, но пою.

— Где?

— Приглашают на какие-то юбилеи, праздники. Вот 9 мая был замечательный праздник, много было концертов в залах, но и на Дворцовой площади я пела. Вот День артиллериста был — в Доме офицеров пела. Бывают праздники на заводах: у них есть свои маленькие “красные уголки”, сценки, есть свои инструменты.

— И вас устраивает, что вы выступаете на таких площадках?

— Конечно, очень устраивает!

— Но почему?

— Да люди же везде.

— Это правда. Но есть какие-то престижные залы, дорогие, блестящие концерты.

— Но я уже не в том возрасте...

— Вы думаете, это от возраста зависит?

— Нет, просто мне уже все равно, где петь. Наверное, молодым певцам и певицам

очень важно, какая площадка, где показаться, в чем, с кем. Я отошла от этого.

— Перед вами сегодня — совершенно новая эстрада. Как вам ее уровень? Кто нравится, кто — абсолютно нет?

— Ну, так не бывает, наверное, чтобы кто-то абсолютно не нравился. Единственно — к “На-На” равнодушна, не трогают они меня.

А очень нравится Пресняков Володя. Газманов. Таня Овсиенко. Я случайно недавно послушала ее концерт — у меня такое ощущение, что она выросла.

Нравится тембр голоса Наташи Королевой. У нее какой-то сексуальный тембр, я бы сказала, удивительный. Аллегрова нравится — я понимаю то, что она делает.

Буланова — замечательная певица, чем-то она смахивает на меня в самом начале. Даже на сцене держится угловато, точно как я в молодости. У меня такое ощущение, что она не знает, что с рукой делать, мне это тоже очень знакомо. Чтобы с этим совладать, надо очень много работать: учиться двигаться, владеть руками, много выходить на сцену и

постоянно петь. Я все время и пела, и училась. Я и сейчас хожу к педагогу.

— Зачем?

— Как — зачем? Ну что вы! Если балерина не будет стоять каждое утро, она же не сможет танцевать. У меня концерты хоть и редко бывают, но бывают. И если я в промежутках между ними не буду петь, все может уйти. Я надеюсь, что сегодняшние певцы про это знают.

— Их сегодня так много. А в те годы вроде особо и вспомнить некого.

— А Хиль! А Пьежа! А Пахоменко! А Толя Королев! А Пожлаков! А “Веселые голоса”! Ну что вы!

— Вы дружите с ними?

— Я до сих пор дружу с Эдуардом Анатольевичем Хилем. Мы часто встречаемся, говорим на профессиональные темы. Он мне в жизни много раз очень сильно помог. Познакомил, например, с Гаврилиним, а музыка этого композитора мне много дала. Эдуард Анатольевич был инициатором того, чтобы мы с ним вдвоем спели целый вокальный цикл. Он же меня привел и в Академию театрального искусства: не хочешь преподавать? — спросил.

С Людой Сенчиной встречаемся в основном на концертах. Но редко: то она в разъездах, то у меня свои дела.

— Сегодняшним певцам труднее пробиваться, чем вам?

— Гораздо. Иногда встречаю своих — Сенчину, Пахоменко — и один голос: мы им не завидуем! Если бы сейчас все заново, я сомневаюсь, что у меня что-нибудь бы вышло. И конкуренция. И жесткие условия: и денежные, и человеческие.

Вот говорят — комсомол... А что комсомол? В комсомоле были очень разные люди. В том числе — просто замечательные. Например, Женя Андреев — у нас в Куйбышевском райкоме. Интеллигентнейший, умнейший человек! А Нонна Некрасова! Она работала в комсомоле, а потом перешла к вам в “Смену” заведующей отделом культуры. Именно благодаря Нонне я поехала на очень важный конкурс в Минск, потом — на международный, потом — на Всемирный фестиваль молодежи и студентов, стала знаменитой. Меня даже пытались выдвинуть на премию комсомола. Но не получилось как-то. Видимо, я опять куда-то либо опоздала, либо не туда пошла — у меня так часто бывает... — Зато вы получили зва-

Фото Виктора ДЮЖАЕВА

У нее в жизни было все:
и любовь, и комсомол,
и весна.
И, может, все еще будет?

ние заслуженной артистки России.

— Да, правда в 1989-м, достаточно поздно. Но я все равно очень рада этому. Хотя мне пришлось — уже в связи со званием — трижды выходить на худсовет, чтобы мне подняли ставку. Хотя должны были сразу, как звание пришло. Но меня попросили спеть. Первый раз спела — не понравился репертуар: грустный, говорят — зачем Окуджава, Гаврилин? Второй раз подготовила новый репертуар, снова недовольны: что ты все поешь и поешь, ты себя еще и актрисой покажи. Ну, думаю, теперь, чтоб зарплату повысили, так и буду всю оставшуюся жизнь заслуженной артисткой выходить и выходить на худсовет...

— Скажите, Таисия, человек — хозяин своей судьбы? Или есть все-таки какая-то непреодолимая сила, которая либо ведет по жизни, либо спотыкает?

— Мне кажется, что я свою первую часть жизни прожила как трава: растет и растет, живет и живет. Беззабот. Одни радости. Потом произошли события в моей жизни. Трагические. И я уже оглянулась назад. Посмотрела. И как кому-то выводу пришла. Что если бы я, допустим, осознанно жила, то многое, наверное, сделала бы иначе. Но жить осознанно — тяжело. И может быть, хорошо, что тогда я жила так просто, а теперь — осознанно. Зато теперь мне жить трудно.

— А когда жизнь делится так на две части?

— Это не зависит от годов.

Лично у меня — к сорока. Но все зависит от человека. Когда он начинает понимать, что бессмысленно делать что-то пустое. Бессмысленно биться головой о стенку, бессмысленно сердиться, бессмысленно носить злые мысли в себе, бессмысленно обижаться на кого-то...

— Но это понимание в юности не приходит.

— Оно может и к шестидесяти не наступит. Это нужно прожить. Или прочитать и понять из хороших книг. Вот мне 30 настало, и я встретила замечательного человека, моего второго мужа. И он мне подсказал, что нужно было тогда почитать (и философскую литературу в том числе) и какую настоящую музыку послушать. И когда я это все почувствовала, во мне это как-то перебрало, и я стала совершенно по-другому относиться к жизни. И теперь я стараюсь все лишнее и пустое убирать из себя.

— А где ваш муж?

— У меня нет сейчас мужа.

— Я про второго.

— Второго и нет.

— Чему в первой жизни вы уделяли много внимания, а не надо бы. И наоборот: чему не придавали значения, а как кажется сегодня — зря.

— Я должна была, обязана более жестко к себе относиться. У нас, например, в Консерватории преподавали итальянский язык, бесплатно давали — берите только. Думаете, я его знаю? Точно так же — игра на рояле. Я постоянно пропускала занятия: как же, я ведь на певицу училась, а не

на музыкантшу. И теперь не могу играть. Вечно ерундой какой-то была занята.

— У вас было много поклонников?

— Ну, были. Кто-то. Но чтобы приходили, звонили, жить мешали — такого не было. Мои поклонники, мне кажется, — очень интеллигентные люди. Жизнь идет, и вдруг я узнаю, что вот этот, тот — всегда любил, как я пою. И помню до сих пор. Для меня это неожиданно и радостно.

— Год назад на шестидесятилетии Хиль вокруг вас крутилось много военных моряков...

— Да? Они, вероятно, пришли поздравить Хилья. Я что-то не помню, чтобы моряки у меня были в поклонниках.

— Вы ведь и в кино снимались. Много?

— Одна роль. Фильм Петра Наумовича Фоменко по сценарию Бориса Борисовича Вахтина (это сын Веры Пановой) “На всю оставшуюся жизнь” — по книге Веры Пановой “Спутники”. Такой неяркий, неброский фильм. Спокойный, мудрый. И вот неожиданно меня взяли на роль. Петр Наумович увидел меня по телевизору — я тогда пела в Малом зале Филармонии детский цикл Слонимского на стихи Даниила Хармса — и сразу предложил роль без пробы. Потом он, правда, немножко пожалел об этом, потому что не совсем то получилось, что он хотел.

Но я была счастлива, что меня не выгнали из этого фильма, что роль я озвучивала сама. Там же я спела за кадром, причем — вместе с

самим режиссером Фоменко (потом эту песню, которая станет моей визитной карточкой, я спела со всеми мужчинами-певцами: с Владимиром Матусовым, с Павлом Кравецким, с Эдуардом Анатольевичем Хилем). Роль в фильме у меня была потрясающая. Там все: и жизнь, и трагическая любовь. Что для молодой женщины может быть лучше этой роли!

— У вас были периоды “больших денег”?

— Были. Я недавно пенсионную книжку получила...

— Сколько вам лет, Таисия?

— Сорок шесть. Но у нас, у певцов, с двадцати лет певческого стажа уже начисляется пенсия по выслуге лет. Так вот: когда мне начисляли эту пенсию, то выяснилось, что с 76-го по 80-й годы моя среднемесячная зарплата была 460 рублей (я много ездила с концертами, а зарплата напрямую зависела от количества концертов). Это было много, правда?

— Правда. И что вы с ними делали?

— Вот и я себя сейчас спрашиваю: куда я деньги делаю? Из одежды у меня практически ничего. Норковой шубы никогда не было. Я, правда, понемногу отсылала родителям (они у меня в Зеленокумске, это в сорока километрах от Буденновска). И потом мы все время переезжали из одной комнаты в другую: меняли коммуналки. Наверное, все ушло на переезды и на мебель, когда нам наконец дали квартиру. Зато потом, когда я опять развелась, снова оказалась в коммуналке и опять как бы без ничего.

— Но что-нибудь у вас есть? Машина? Дача?

— Ни машины, ни дачи. Есть комната. Зато хорошая и большая — 20 метров. И есть у меня рояль.

— А нет у вас, Таисия, ощущения, что как-то это все несправедливо? Была известной певицей, обеспеченной женщиной. А сейчас — ни кола ни двора. А спроси в городе — что с Калинченко? — не каждый и вспомнит. Не обидно?

— Нисколько.

— Откуда такое безразличие к себе?

— Почему безразличие? Наоборот. Я благодарна судьбе, что все это у меня было. И когда меня вдруг кто-то узнает на улице — для меня это так неожиданно и радостно! Как будто это все не со мной.

Знаете, у меня был такой черный период в жизни... Когда сын погиб. Я только тем и выжила, что жила днем сегодняшним, не думая о завтра. Сегодня я должна встать и сделать то-то и то-то, это и это. Хотя, правда, я тогда целый год читала детективы... Все стало пусто. И совершен-

но не было концертов. Я сидела и думала: вот когда я вовсе перестану петь... На этом месте все должно было екать от страха. А ничего не екало. Вообще ничего.

Надо было как-то жить. И тут еще выяснилось, что я ни шить, ни вязать не умею, ни печатать на машинке, ни говорить на иностранных языках, ни играть на рояле. Может, думаю, буду обаятельной продавщицей?..

Потом как-то случайно попала в общество “Знание”, написала лекцию про романсы и ездила от этого общества с пианистом. Потом и общество “Знание” пропало. Но я уже научилась жить днем сегодняшним. Будет день, и будет пища.

— Простите, Таисия, этот жуткий период прошел?

— Нет, дело в том, что он не кончается. Просто я себе запретила думать об этом. Или заставляю думать по-другому. Конечно, я хожу в храм, ставлю свечи. И по-прежнему люблю детей.

— Что было — то было. Что прошло — то прошло. Нужно жить сегодня, сейчас. А что будет — неизвестно.

— Вы, наверное, не приняли нашу новую жизнь?

— Я почти все приняла. И чувствую себя в ней более свободной. Раньше я немножко тряслась перед начальством. Как-то все время было страшно: не то скажешь, не то сделаешь. А сейчас все свободнее. Хоть и более жестко, и труднее.

Но я живу спокойно. И стараюсь — радостно. И получаю удовольствие от малого. Дали зарплату — хорошо, пошла в магазин и купила что-нибудь вкусное или красивое. Или пошла в театр, посмотрела спектакль и снова получила удовольствие. Пошла в академию, а там удовольствие от работы со студентами: я вижу, как они начинают осмысленно понимать музыку, учатся передавать через нее свое эмоциональное состояние, как начинают владеть своим голосом.

— По-божьи живете.

— Просто я поняла, что надо жить просто и радоваться этой простоте. Я просыпаюсь и думаю: как хорошо все-таки, что эту ночь я спала. Как уютно мне и тепло. У меня есть комната, в ней мои вещи, книги. Какие красивые у меня занавески на окнах. Какой чудный у меня рояль — вчера я вытерла с него пыль, как он блестит!

Я живу в городе, о котором мечтала много лет. Однажды в школе я написала в сочинении “Письма из будущего” о том, что я живу в Ленинграде, что я закончила Консерваторию. Я мечтала об этом грустном городе — с особым запахом, особыми людьми — уже в 14 лет.

— Извините, Таисия, я не знаю, насколько уместен этот вопрос. Вы — счастливая женщина? Везучая?

— Ну, конечно, очень везучая. Просто я не сумела с этой везухой справиться. Поэтому, видимо, господь Бог и сказал: хватит ей! достаточно!

Беседовала
Галина ЛЕОНТЬЕВА